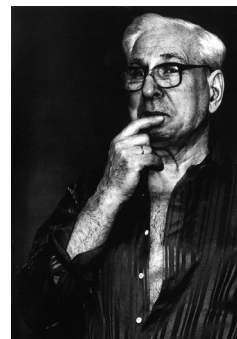
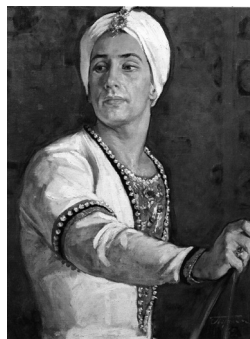
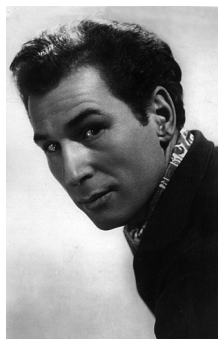

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Б. Я. БРЕГВАДЗЕ

УДК 792.8; 929

А. Б. Брегвадзе

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ ОТЦЕ

Не перестаю удивляться — откуда у моего отца появился интерес к балету? Казалось бы, окружавшая его жизнь этому никак не способствовала: довоенный Саратов, повсеместная нищета, семья, далекая от каких-либо интересов, кроме забот о хлебе насущном. В Коммунарном переулке, где стоял родительский дом в две комнатухи, обитала местная шпана. У отца уже в одиннадцать лет на руке появилась небольшая наколка в виде сердечка. Нет, он не был хулиганистым мальчишкой, просто полукриминальная среда накладывала свои отпечатки. И вдруг — тяга к театру! Божья искра? Природный дар? Наверное. Думаю, что обстоятельства, в которых прошло его детство, не только сыграли свою роль, но и в какой-то мере определили характер артистического дарования Бориса Яковлевича.

Актер героико-романтического амплуа, он и в трагических ролях находил некое мажорное, светлое начало. Не потому ли, что уже в ранние годы пережил немало. После ареста и заключения отца на целый год в тюрьме оказалась мать. Рядом с этими бедами маленькому Боре могло показаться забавным происшествием, когда обрушилась половина их дома, стоявшего на краю глубокого оврага. Впечатления детства — и житейские тяготы, и боль от разлуки с горячо любимой матерью — отозвались в сценических образах артиста правдой и силой чувств его Солора, Отелло, Евгения в «Медном всаднике». В одном из интервью отец признавался, что ему особенно нравились роли, насыщенные высокими, трагическими эмоциями, и вспоминал, как Федор Васильевич Лопухов шутил: «Да он же с Волги, у него мать волжанка. Так что это саратовские страдания». Мне

кажется, именно жизненные невзгоды, как это ни парадоксально на первый взгляд, определили и другую сторону его творчества — упоение жизнью, всепобеждающую радость бытия.

Наперекор несчастьям отец стал тянуться к чему-то светлому и прекрасному. Однажды знакомые девочки привели его в театр... Потом возник хореографический кружок при Дворце пионеров, затем — балетные курсы в Саратовском театральном училище. Во время войны училище закрылось, но по инициативе педагога Т. М. Сергеевой отец и еще пятнадцать девочек ранним утром занимались в зрительном зале кинотеатра, держась за спинки стульев. Со временем на базе этой группы образовалась студия при Театре оперы и балета имени Чернышевского. В 1942-м, когда отцу было шестнадцать лет, его пригласили в театр работать артистом балета. Так началась его театральная жизнь. А в 1943-м погиб на фронте его старший брат Юрий. Ему было всего девятнадцать! Летом 1944-го отец в составе актерской бригады ездил в Крым. Выступал в госпиталях перед ранеными бойцами. В памяти остались безлюдные татарские деревни, одичалые собаки, осыпающиеся яблони — свидетельства еще одной человеческой трагедии...

О дальнейших событиях своей жизни Б. Я. Брегвадзе вспоминал: «В театре я танцевал и в балетах, и в операх, и даже в опереттах, считался одним из ведущих артистов. Но мысль, что мне надо еще многому научиться, не оставляла. В сорок пятом году, когда я с матерью, можно сказать, случайно, оказался в Ленинграде,

Э. Минченков, Б. Брегвадзе.
Номер «Слепая» (хор. Л. Якобсон).
1960-е гг.
Фото из архива АРБ имени А. Я. Вагановой.

за два дня до отъезда я решил зайти в хореографическое училище. Прихожу я на ставшую теперь для меня родной улицу Зодчего Росси и обращаюсь к художественному руководителю училища Николаю Павловичу Ивановскому. Этому человеку я многим обязан в своей судьбе. А тогда он ничего у меня и спрашивать не стал, только сказал: “Приходите завтра, мы Вас посмотрим”. Я ему в ответ: “У меня нет туфель балетных”. — “Дадим”. Я прихожу. Дали мне туфли. Я переоделся во что попало, захожу в зал... а там сама Ваганова и другие, ныне легендарные педагоги! Я один перед ними. Педагог задает комбинации, пианист играет, а у меня с перепугу получается даже то, что в Саратове никогда не выходило. В общем, меня приняли. Но когда стали оформлять, выяснилось, что пока я не уволился из театра, взять меня невозможно. Пришлось

возвращаться домой, где я проработал еще почти год. Наш директор не хотел меня отпускать, и только с помощью комсомольской организации мне удалось взять расчет. Правда, директор перед этим потребовал от меня расписку, что после годичного обучения я вернусь в театр»¹.

Об учебе в классе усовершенствования Б. В. Шаврова, о роли Ф. В. Лопухова в том, что отец остался в Ленинграде, уже неоднократно писали. Добавлю несколько бытовых штрихов.

1946 год был исключительно тяжелым. К послевоенной разрухе добавился неурожай. Отец вспоминал, как на карточки в столовой училища выдавали мизерные порции чего-то несъедобного. Ему навсегда запомнилось постоянное чувство голода. Ходил он в старой матросской шинели, перешитой в «пальто» и выданной вместе с карточками. Жил в «общежитии», которое располагалось в одном из классов на пятом этаже. Но несмотря на все трудности, это было хорошее время: бегал на спектакли с великими артистами, дружил с малышами молдаванами и осетинами (соседями по комнате), быстро освоился и стал «своим». Так благосклонная судьба связала его с домом на Зодчего Росси почти на 65 лет!

Напомню: до 1970 г. балетная труппа театра имени Кирова занималась и репетировала в Училище. Так что и половина сценической жизни отца прошла здесь. Когда в детстве меня привели в медпункт для удаления очередного молочного зуба, я успел увидеть в открытую дверь второго верхнего зала, как отец на уроке сделал жете по кругу. Раздались бурные аплодисменты. Я был горд и отважно отправился к стоматологу.

В репетиционном зале (ныне зал имени Петипа) отец в первый раз увидел мою маму — Эмму Владимировну Минченок. Это было в 1949 г., когда отец репетировал Меркуцио. В зал вошла Фея Ивановна Балабина, чтобы поделиться сомнениями — брать ли ей в свой класс семнадцатилетнюю девушку из Выборгского дворца культуры: данные прекрасные, но возраст! «Берите, выгнать всегда успеете!» — ответил отец. В результате мои родители прожили в браке более пятидесяти лет, деля, как и положено, и горе и радость.

Эмма Минченок, Андрей Брегвадзе, Борис Брегвадзе.
Фото из семейного архива.

¹ Здесь и далее слова Б. Я. Брегвадзе цитируются по материалу «И мастерство, и вдохновение», опубликованному в «Вестнике СПбГУКИ» (2003, ноябрь).

В балетных энциклопедиях об отце пишут: «Неослабевающая любовь зрителей сопровождала артиста в каждой роли». Помню, в доме постоянно были цветы, в парадном дежурили поклонницы. И хотя меня, еще мальчика, в театре больше всего интересовал бутафорский цех, где можно было поиграть с оружием, а в антракте — буфет с лимонадом и пирожным, разве я могу забыть, как отец по шесть-семь раз выходил на поклонны после каждой своей вариации? Или как его Эспада делал свой выход под скандирование зала? На вопрос, чем же можно объяснить такую любовь зрителей, отец отвечал: «Наверное, тем, что я соответствовал ожиданиям публики, умел дать ей то, зачем она приходила в театр. Мой зритель — послевоенный. Люди тогда истосковались по ярким краскам, им хотелось праздника, красоты, эмоционального сопереживания, лиризма. Быть может, мое искусство и оказалось созвучным всему этому».

В повседневной жизни отец, в отличие от своих сценических героев, казался человеком спокойным, без ярких эмоциональных вспышек, но это было поверхностное впечатление. Сильные эмоции прятались глубоко внутри и проявлялись, так сказать, в «мягкой» форме. Одним из его качеств было то, что можно назвать детскостью души. Не случайно он любил возиться с малышами, часто вспоминая свое детство. С любовью рассказывал, как заводил патефон, звал окрестных мальчишек, и начинались представления с танцами и без. Его приезды на дачу в Усть-Нарву становились событием для многочисленной компании моих дачных приятелей. «Дядя Боря» с видимым удовольствием возглавлял наши забавы, придумывал новые, вспоминал свои саратовские игры, развлекал нас рассказами о своем детстве. Хорошо помню один из них. Когда отец пришел поступать в хореографический кружок Дворца пионеров, его спросили: «Мальчик, а что ты умеешь? Раз фамилия грузинская, значит, танцуешь лезгинку»? Папа станцевал лезгинку. Педагогу понравилось, он спросил: «А ты не убежишь?». С ответом «Не убегу», отец, счастливый, принесся домой крича: «Мама, сшей мне скорей балетные туфли и тесемки — большие-большие!». Он не знал тогда, что тесемки завязывают на щиколотке, и завязал под коленками. Так и пришел на первое занятие.

Отец был неравнодушен к кинематографу. Вместе с нами он ходил в поселковый дом культуры смотреть кино. Его одинаково увлекали мелодрамы, комедии, приключения, исторические картины. Непременным и единственным критерием успеха фильма для отца были его высокие художественные достоинства. В первую очередь его привлекали искренность чувств, задушевность, способность героев в самых трагических ситуациях оставаться людьми (как, например, героиня фильма «Ночи Кабирии»).

Любил отец и оперу, и неплохо ее знал. Яркая театральность, накал страстей, свойственные его собственному артистическому дару, сделали его поклонником этого жанра. Ему особенно нравились Елена Образцова и Галина Вишневская. С удовольствием слушал певцов, обладавших, помимо замечательных голосов, актерской харизмой. Это непереносимое условие распространялось и на балетных исполнителей. Техника ради техники оставляла отца равнодушным. Он ждал «душой исполненного полета», но находил его не часто.

Среди ролей отца не было ни одного отрицательного героя. Мне кажется, он просто не смог бы создать впечатляющий образ какого-нибудь «злодея», настолько любое проявление зла, пусть даже в сценической форме, было чуждо его натуре. Все его герои были человечны и благородны, со страдающей высокой душой. Таким был и сам Борис Яковлевич — мягкий, бесконфликтный, непричастный каким-либо интригам. Я ни разу не слышал от отца грубых слов о ком-либо, в том числе и о людях ему несимпатичных. Непорядочность, хамство, грубость были так далеки от него, что, сталкиваясь с ними, он терялся и не мог дать надлежащий отпор.

В последние годы жизни одной из его любимых телепередач стала программа Игоря Кваши «Жди меня», где разлученные когда-то люди находили друг друга. Эти встречи со слезами и сильными переживаниями сильно волновали Бориса Яковлевича. Способность сострадать чужим невзгодам побуждала отца никому не отказывать в помощи. Делал он это бескорыстно, по велению сердца. Я уверен — главным, определяющим все остальное качеством Бориса Яковлевича, была доброта. Думаю, многие с этим согласятся.

Отец любил природу, любил братьев наших меньших. На даче принимал самое горячее участие в спасении попавших в беду птенцов, кошек и прочих. Никогда не ходил на рыбалку — видимо, жалел рыбок.

Говоря об отношении Бориса Яковлевича к своим ученикам, я вспоминаю шумные, веселые компании, собиравшиеся у нас дома. Смех, шутки, атмосфера непринужденности, однако — ни тени фамильярности. Неподдельное взаимное уважение, несмотря на то, что отец бывал на уроках и нетерпеливым, и раздражительным, мог обидно съязвить. Но никто не обижался, ведь было очевидно, что это, как говорится, любя. Конечно, способные и талантливые радовали его больше посредственных, но отец не показывал своих предпочтений и, по мере сил, старался помочь в устройстве судьбы каждого. Со многими своими учениками, а их за пятьдесят лет набралось немало, он поддерживал связь долгие годы, радовался успехам и переживал за них, никого не забывал.

Искусство Бориса Брегвадзе было глубоко человеческим, дарило радость, воспевало благородные, высокие чувства. Смею надеяться, что в памяти людей он остался светлым, порядочным человеком.